

ИЗ ПЛЕМЕНИ КЕДРА. ПРОБЛЕМА РОДА У ХАНТОВ И МАНСИ

Анализ обско-угорских имен и фамилий на протяжении XVI-XIX вв. свидетельствует об их постоянном изменении, в том числе и в написании (под влиянием искажений их писцами). При этом проявляются две тенденции: с одной стороны, исчезновение ряда фамилий (вымирание их представителей во время эпидемий, из-за отсутствия потомства), с другой — возникновение новых прозвищ и фамилий из имен и прозвищ. Очевидно, те отчества, которые попали в метрические записи при крещении, и легли в основу позднейших фамилий. Они возникли лишь после прихода русских в Сибирь и в результате административно-фискальной и христианизаторской политики царского правительства. Фамилия была чужда обско-угорскому обществу, отсюда — ее неустойчивость и нестойкость.

В быту ханты и манси фамилии раньше не употребляли. Они пользовались другими самоназваниями, о которых мы будем говорить ниже.

Отсутствие родовых делений в обско-угорском обществе и перечней обско-угорских родов в документах некоторые исследователи оценивали как свидетельство распада родовых отношений у хантов и манси ко времени прихода в Сибирь русских (XVI в.), в результате которого родовые деления и названия исчезли и забылись.

Одно из наиболее ранних высказываний принадлежит Н. Витсену, писавшему со слов очевидца, что у хантов женятся, несмотря на кровное родство. Это замечание, по всей вероятности, неверно, так как не согласуется ни с одним из последующих браков как между едиными братьями и сестрами, так между двоюродными от разных отцов. Возможно, информатор Н. Витсена не совсем точно понял своих собеседников, и в данном случае речь шла о браках на двух сестрах двух братьев или отца и сына. В.Ф. Зуев так пишет об этом: «За грех почитается взять себе в жены девушку из того же роду, коего фамилию сам прозывается, которая по мужикам у них счисляется».

Примечательно, на наш взгляд, и то, что у хантов и манси в XIX в. не было четкого термина «род».

Признаком рода является также родовое имя, восходящее к имени предка. В.Н. Чернецов отметил три категории родовых имен:

- 1) имя тотемного животного или птицы (древнейшая категория);
- 2) имя предка — богатыря;
- 3) прозвище, вытеснившее родовое название.

Исходя из материалов В.Н. Чернецова, А.Ф. Анисимов намечает четыре этапа развития родовых названий:

- 1) наиболее древний — по имени животного — предка с матриархальным характером;
- 2) по имени предка — богатыря;
- 3) сосуществование обеих категорий;

4) новые родовые названия по имени предков-богатырей патриархального характера.

В. Штейниц тоже выделяет три типа родовых имен, но иного характера:

- 1) географического происхождения, чаще всего связанных с названиями рек;
- 2) связанные с происхождением от других народов;
- 3) священные имена духов — предков, нередко в облике животных.

Известны фамилии и селения хантов и манси, где еще до недавних пор существовали запреты убивать, есть или чистить некоторые виды животных, птиц, рыб, но остальных признаков их сочетания, культа — не сохранилось. Например, в селении Аньяпауль на северной Сосьве нельзя было убивать чайку, на Сыне — медведя, волка, лося, горноста, соболя, гагару, некоторые породы уток, шуку, налима, на Куновате — горноста, соболя, гагару, лягушку, ящерицу. Часть этих запретов распространялась на все население поселка, часть — на отдельные фамилии, а некоторые — только на женщин.

Многие группы хантов и манси в XVIII-XIX вв. почитали антропоморфных духов, предков и покровителей групп. Чаще всего это либо жители одного селения или местности — обычно бассейна реки, либо представители фамилии, или, что встречается довольно часто, генеалогической группы, почитающей того или иного богатыря или духа. О совместном родовом культе писали М.А. Кастрен, В.Н. Чернецов, В. Штейниц. Около главного селения рода, указывали они, находилось священное место, где по преданию жил родовой дух — родоначальник рода, о нем поется в старинных религиозных песнях (он воет, затем поселяется на священном месте и принимает жертвы, покровительствуя членам группы). Не он появляется в животном или птичьем облике, этим же животным духом пользуется и как средством транспорта. Это животное нельзя убивать и есть.

М.А. Кастрен разделяет духи и божества северных хантов на три категории: родовые, или общественные, семейные и частные (лух). Изображения общественных (родовых) духов хранятся в особых юртах (священных амбарах) или в рощах, холмах, такие изображения особенно богато украшены. Он описал священную рощу около Обдорска, в ней хранились идолы — изображения духов, рядом с рощей был стан остяцкого рода, роща была их общественным святилищем.

Г. Новицкий отмечает пять категорий жертвоприношений духам и божествам: шаманские, частные, «главным кумирам», медведю и домашним божкам, но родовых культов не фиксирует.

Изучение священных жертвенных мест у хантов Сыни и Куновата, проведенное учеными в 1970-х годах, а также опрос информаторов показали, что у северных хантов в конце прошлого века и начале нынешнего столетия около каждого селения были священные места. На них отправляли культ жители всего селения, хотя они не принадлежали к одной генеалогической группе. Был также культ духа более высокого ранга, почитаемого какой-то большой территориальной группой.

В числе почитаемых духов рода или селения были умершие и знаменитые герои, уважаемые люди, шаманы. Обычай хантов делать после смерти человека куклу — вместилище души умершего — и хранить ее определенное время в доме, связанный с культом умерших, привел к развитию у них ранней стадии культа предков. Изображения особо уважаемых лиц, шаманов по истечении определенного срока их хранения в доме не сжигались, не хоронились в могиле умершего и не выбрасывались в лесу, а хранились вместе с куклами — вместилищами душ обычных людей, с домашними святынями и изображениями домашних духов зоо- или антропоморфного облика в переднем священном углу дома. Самосознание, с почитаемым предком был связан со знаком рода — пос. До прихода русских этот знак ставился, по всей видимости, только охотниками на местах угодий, на домах, личных вещах, изображался в виде орнамента на одежде, обуви, а также в татуировке. С приходом в Сибирь русских, развитием ясачной политики царского правительства этот знак стал тамгой. Связь татуировки, орнамента, знаков на домах хорошо показана В.Н.Черне-цовым. Он также отметил, что тамги ханты ставили на нартах, оленях, лодках и некоторых других личных вещах.

Специальная работа по анализу тамг народов Сибири, в том числе и обских угров, была выполнена Ю.Б. Симченко.

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод о несинхронном развитии генеалогических групп или характерных признаков — самосознания, культа предка — родоначальника и знака, выраженного в тамге, татуировке или орнаменте. Одни группы, а вместе с ними знаки, культы и самосознания исчезли, другие дробились и давали ответвления. Кроме того, вследствие социального развития общества, отдельные группы становились как бы первенствующими среди остальных и с развитием территориальных связей передавали всей территориальной группе свой знак и культ своего предка.

Один из признаков рода — родовое кладбище. О родовых кладбищах северных хантов писали В.В. Бартнев, К.Ф. Карьялайнен. К сожалению, мы не имеем в литературе конкретных данных именно о родовых кладбищах в XIX в. Речь идет о кладбищах определенных селений. Поселковые кладбища достаточно хорошо изучены нами у северных манси и почти у всех групп хантов. Каждая фамилия имела свой ряд могил и поминальный костер на кладбище. Таким образом, в данном случае мы можем говорить не о родовых, а о кладбищах однофамильцев или жителей одного селения. Возможно, в прошлом каждая генеалогическая группа имела свое кладбище.

Признаком рода считается и родовая собственность угодья. В литературе на этот счет мы находим самые разноречивые сведения. Наиболее ранние авторы сообщают о семейном и общинном пользовании землей, причем под общиной чаще всего понимается общность жителей селения. Неизвестный автор XVIII в., описывая северных хантов, указывает: «Не токмо волость, но и каждое селение свое известное место или дистанцию имеют по древнему обычаю». По данным М.А. Кастрена, у северных хантов

« каждое семейство... имеет свои особенные рыболовные и звероловные участки», которые отводит ему старшина вместе с общиной. Однако литература второй половины и конца XIX в. неожиданно пестрит сообщениями о родовых угодьях у хантов и манси.

К.Д. Носилов, описывая группу северных манси по Оби и ее притокам — Северной Сосьве и Ляпину — отметил, что на первом плане у манси была родовая собственность: « ... известный род владеет на протяжении иногда десятка верст урочищами около какой — нибудь речки и озерами, рыболовными для неводьбы местами, истоками и протоками и пр.» Особых границ у таких участков не было, но их знали все. Пользовались ими сообща и одновременно. В случае, если зверь забежал во владение чужого рода и там был убит, часть его оставалась собственнику участка, однако устраивать облавы на чужом участке категорически запрещалось. Имелись случаи переселения членов разросшихся родов на новые, незанятые никем места, и основания новых родов. «Лес считается общественным, а земля под родовыми угодьями — родовой. Родовое владение землей считается только родовым правом ловли. В случае вымирания рода земля делится между родами или отходит в общественное пользование или отдается новому роду или пришельцу для пропитания». В то же время, писал автор, часть угодий, особенно ценных для всего селения, составлявших его главный промысел для проживания (места с зсторами, озерами), находилось в общинном владении и ежегодно перераспределялось. Собственность умершего (родовая) в случае отсутствия сыновей переходит к родственникам (дочери не наследуют). Если член рода не довольствуется промыслом на родовом угодье, он изыскивает себе новое угодье, не занимаемое другим родом, и спрашивает общество о согласии на право родового владения; если общество согласится, то он основывает новый род. Когда же автор говорит о запрете ловить зверя в чужом родовом владении, он вспоминает клятву на морде медведя членов селения друг другу: «Пусть съест меня медведь или съест род мой, доколе он будет существовать, если кто из нас тронет хотя одно перо или одну шерстинку из твоих ловушек». Здесь мы уже видим, скорее, распад общинного владения и закрепления участков бывшей общинной земли за отдельными семьями.

Признаком рода являются также народное собрание и институт родового старейшины. О народных собраниях мы находим сведения лишь в фольклорных произведениях. Там же сообщается о специальных общинных домах, в которых проводились общественные празднества и собрания воинов. В мансийском фольклоре общественный дом — это «гостевой дом», или «танцевальная изба», — для проведения медвежьих плясок фратриального характера либо свадеб.

Сложнее обстоит дело с институтом народного или родового вождя, старейшины. Судя по фольклорным данным, у хантов и манси до прихода русских существовал институт военных вождей — богатырей. Они играли большую роль в организации оборонительных и военных действий с ненцами, татарами, а впоследствии и с русскими. Термин «князей», «князь»

— русского происхождения и возник в России в феодальную эпоху. Русские, естественно, переносили на обских угров терминологию своих собственных социальных институтов.

С.В. Бахрушин гиперболизировал значение и роль старшин в обско-угорском обществе, считая, что у хантов и манси уже были феодальные отношения. В мирное время у хантов и манси в общественной жизни большую роль играли старики — «седовласые старцы». Они составляли ядро существовавшего, вероятно, в глубоком прошлом народного собрания. С присоединением Сибири к России в XVI-XVII вв. институт «старшин», «князцов», лучших людей», «сотников», «десятников» (а также унаследованных от времени татарского владычества «мурз», «есаулов» и пр.) и прочих должностных лиц в значительной степени был развит русской администрацией, использовавшей этих людей для управления Западной Сибирью и сбора ясака. Далеко не все эти должностные лица величались «князцами» даже в русских документах. Так, по данным архивных документов XVII в. в пяти западносибирских уездах числилось более 70 волостей. В них «князцов» перечислено 8, сотников — 10, десятников и пятидесятников — 13, «лучших людей» — 86. Эти должностные лица выделялись среди общей массы умом, характером, относительным богатством, приобретенным отчасти благодаря военной добыче, отчасти при эксплуатации соплеменников, в значительной мере — благодаря льготам и подачкам царской администрации. Часть таких лиц происходила из старинных, влиятельных благодаря своему происхождению семей (Тайшины, Артанзеевы, Алачевы), но их было немного.

В описаниях ученых говорится, что богатые князцы имеют от 100 до 1000 оленей; у богатых остяков — 3-4 жены, у «маломощных» — по одной жене. Н. Винсен описывает одного такого главу, Курсу Муганака, который объединил под своей властью жителей свыше 100 жилищ. Сам он жил в чуме, имел четырех жен, из которых две были старые, а две — молодые. Обстановка в чуме, судя по описанию, не отличалась никаким особым богатством. У приезжих он менял рыбу на табак и вино.

В.Ф. Зуев указал, что «князцы» разделялись на простых и жалованных грамотами от государей, власть их была наследственной, но те и другие мало чем отличались от простых людей, разбирали отдельные обиды и ссоры и жили своими промыслами. В случае отсутствия наследников «князя» выбирали из числа лучших и умных людей, обычно из богатых людей, которых особенно уважали за их богатство.

Интересно высказывание историка И.Е. Фишера: «Князец владел не полновластно, ибо он не народ; однако народ имел столь великое право на него, как он на народ; однако власть его в решении спорных дел была больше, чем другого.»

У князя Тайшина было наследственное звание. У него было 5 тыс. оленей и около 20 тыс. рублей.

М.А. Кастрен пишет, что: «Князь», якобы утвержденный самой царицей Екатериной, стоит во главе всех об-дорских хантов, он решает все

вопросы, назначает наказания, кроме смертной казни, он улаживает споры из-за угодий и пр. Старшины подчинены ему, а над ним стоят губернское правление и земский суд. Власть «князя» наследственна, в случае несовершеннолетия наследника в опекуны ему назначаются дядя или другой родственник, назначенный общиной. В случае отсутствия у умершего «князя» наследника-сына его место наследует ближайший родственник. Ни «князь», ни старшины не имеют жалованья, а живут на добровольные подарки своих подчиненных (это нередко вело к злоупотреблениям).

Г. Попов в статье о хантыйских князьях характеризует быт обдорских и куно-ватских князей Тайшиных и

Артанзеевых в конце XIX в. Они были неграмотны, и быт их и обстановка не отличаются от принятых у простых хантов. И власть их опиралась на поддержку русской администрации и царских подачек. Так, у «князей» Алачевых было под властью 14 волостей в Березовском и Сургутском уездах, свои дворовые и ратные люди, однако жена «князца» Дмитрия Алачева умерла в Москве, и ее не на что было похоронить. Но таких, как Алачевы, были единицы. В XVIII-XIX вв. власть «князцов» была чисто номинальной, так как все дела производились инородной управой. Оленей у князцов было немного, жили они в основном за счет злоупотреблений по отношению к простым людям.

Высказывания других авторов о роли и происхождении института князцов и старейшин основаны на фольклорных материалах. К.Д. Носилов сообщает о том, что суд, назначение общественных повинностей, разбор дел находятся в ведении инороднического суда — суда «князя» или старшины при управе в присутствии «общества». «Князья», по мнению С.К. Патканова, были тесно связаны с родовой аристократией и в прошлом, возможно, избирались из среды глав родов. Их главные обязанности состояли в защите княжества от врагов, власть их ограничивалась народным собранием. Однако они выделялись богатством, силой, ловкостью, имели по несколько жен. Согласно Г. Старцеву, во главе родов стояли богатыри и шаманы, позднее, с приходом русских — сотники. Еще позднее вместо сотников были родовые старшины, собиравшие ясак и творившие суд.

Признаком рода является и кровная месть. Следы ее С.К. Патканов и В.Н. Чернецов обнаружили в фольклоре. В действительности в XVIII-XIX вв. ее уже не существовало. А.Г. Воронов сообщает об этом: «Сохраняя в различных частях своих более или менее ясные следы родового быта, остяцкое племя не сохранило спутника этого быта — родовой мести». По данным С.К. Патканова, за невыполнение обычая кровной мести следовало осуждение со стороны ближайших родственников, а не членов более широкого объединения, например, рода.

Таким образом, мы рассмотрели все признаки так называемого обского угорского рода. Можно сделать вывод, что, несмотря на некоторое сходство отдельных сторон обско-угорской социальной организации с родом, в целом для периода XVI-XIX вв. характерны большая нечеткость и аморфность обско-угорских социальных единиц в рамках селения — юрты.

Своеобразие родового строя обских угров еще раз показывает, что при общем характере развития социальных отношений у разных народов выявляются их специфика, оригинальность проявления этой универсальной линии развития. Народы Сибири еще сравнительно недавно переживали стадию первобытно-общинных отношений. У многих из них были зафиксированы пережитки родовых отношений.

Сравнение обско-угорской родовой организации с австралийской и североамериканской, сходство и различия в них позволяет сделать некоторые предположения причин своеобразия обско-угорской фратрии. Думается, здесь немалую роль играли такие факторы, как численность этнических групп, их расселение, плотность населения. Для обских угров и австралийцев характерны меньшая, по сравнению с американскими индейцами численность и меньшая плотность населения, более рассеянное расселение на большой территории, в условиях труднодоступной болотистой западносибирской тайги — и большая изолированность групп, постоянно нуждающихся в брачных партнерах определенные экзогамные правила. В североамериканских условиях при большей насыщенности людьми одной и той же по площади территории и более развитых контактах с оседлыми, не ограниченными столь сложными, как в Западной Сибири, географическими условиями, род как экзогамная единица локализовался еще и под влиянием исторических событий (развитие отношений с европейцами). Не случайно именно для североамериканских родов, фратрии и племени характерны столь развитые социальные функции: в условиях численно больших групп, расселенных на узких территориях, требуется гораздо больше регламентации, чем при расселении малых по численности общностей на огромной территории.

Это, на мой взгляд, является только гипотезой. В ее вероятности нас убеждает вся история и культура хантов и манси, специфика их развития; в их культуре, как материальной, так и духовной.

***Из племени кедра. Проблема рода у хантов и манси.
По материалам книги З.П.Соколова.
// Ямальский меридиан. – 1997. — №4. – -С. 72-75.***